

Художественный руководитель Таллинского театра юного зрителя, заслуженный деятель искусств ЭССР Вольдемар Пансо часто совершает заграничные путешествия. О поездке вокруг Европы, из Ленинграда в Одессу, им написана книга, которая называется «Зачем прямо, когда можно и вокруг». Недавно режиссер побывал в Австралии и Новой Зеландии. Впечатления об этих встречах печатаются в №№ 7 и 8 журнала «Театр». Сегодня мы публикуем несколько глав из тех, которые будут изданы в августовском номере.

мен символом театра были две маски: смеющаяся и плачущая. Это — спутники нашей жизни. Одна не может существовать без другой. И все же смеха на сцене мало. А это значит, что не хватает его

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ СВЕТА

СТРАНА ЧУДЕС

Еще сто пятьдесят лет назад в этой деревне жили маори, сейчас она нечто вроде музея народного быта на открытом воздухе, который вместе со всей округой объявлен Страной Чудес и приносит немалую прибыль предприимчивым владельцам. Маори в национальных одеждах — экзотические экспонаты этой современной Страны Чудес. Почему-то вспоминаются наши девушки в национальных одеждах на торжественных церемониях. Конечно же, в традициях есть своя красота, привлекательность, поэзия и притягательная сила. То, что исчезает, кажется всегда прекрасным — похожим на грустную красоту осени.

И в современном состоянии деревня дает представление об общественном строе маори. Существовал первобытный коммунизм. Племя жило одной большой семьей; вместе работали, вместе ели. Запрещалось уносить еду в свое жилище. Преступников убивали и съедали. Вечера проводили за песнями. Поэтичная душа маори создала удивительно красивые, мелодичные песни о любви и о труде, а поэтичная душа и поэтичная природа сотворили богатейший мир прекрасного: озера, острова, леса, пещеры и родники связаны с романтическими легендами. Душа народа отражается в его песнях и танцах. У маори они почти неразделимы.

Если в статичных любовных песнях хор подпевает солисту, то в песнях о труде мелодию сопровождает стилизованная имитация движений, например, ритмичные наклоны взад и вперед и движения, имитирующие греблю, в песнях о пирб-

ге. Их мелодии трогательно просты, звонки, как язык маори, и грустновырические по интонациям. Кажется, будто звучит наша народная песенка «Гребни-гребни», переходя в какую-то гавайскую мелодию, а из нее вырастает нечто похожее на русский «Вечерний звон». Песню сопровождают медленные па танца на полной ступе — ноги мягко переступают на одном месте, колышутся бедра, но главное — руки и расставляющие пальцы. Ритмически очень четкие и точные, но тоже волнующие грустные, так называемые танцы буйка.

Буйки — это висячие на концах веревок луковцеобразные мячи, которыми ритмично ударяют по голым рукам и плечам. Им выкидывают такие фокусы, которые требуют ловкости жонглера.

Как в первобытной жизни маори, так и на концерте, мягколирическим танцам женщины противопоставлены бешеные, остроритмические воинственные пляски мужчин. Они сопровождаются дикими криками, агрессивными жестами, топотом, прыжками, заканчиваются высовыванием языка: я тебя не боюсь! Можно себе представить, сколько магической силы и захватывающего порыва в таком танце, исполняемом тремястами мужчин. Как рассказал наш консул в Веллингтоне, сейчас создается большой ансамбль песни и танца маори. Одна из его первых гастролей — в Советский Союз.

Последний смех

Рядом с нашей гостиницей находится Тизтр-Рояль. Это солидный театральный зал, бело-золотой с балконами — такие театральные здания на рубеже столетий росли, как грибы, во всем мире.

Находится он в центре, посреди своих двоюродных братьев — кинотеатров. Коммерческий театр и впрямь похож на кино. Из вечера в вечер, часто по несколько сеансов в день играют здесь одну и ту же пьесу — пока она перестает окупаться. Тогда перебираются в другой город, в другой театр. Меня заинтересовала система оплаты труда в коммерческом театре. Принцип оплаты поразителен: размер ее определяется не мастерством актера, а его популярностью. Так же, как и в кино. А репертуар? Менажер отвел: эту задачу мы перед собой не ставим, для этого существуют театры других видов. Наш театр коммерческий. Мы заботимся лишь о том, чтобы вещь и постановка были интересны, чтобы они собирали зрителей.

Театр — торговля. А чтобы торговля шла успешно, товар должен быть хорошим. Я смотрел сорок пятый спектакль. В этот вечер в театре сидел и режиссер. Ночью началась репетиция, потому что режиссер заметил несколько неточностей.

Комедию-буфф, где эксцентрическая клоунада сочеталась с тонкими и изящными лирическими мизансценами, а акробатическая гибкость и ловкость с удивительной гибкостью и ловкостью слова и мысли, предлагал Филлип-театр в комедии Мюррея Шингала «Локе», что значит любовь. Шингал очень своеобразный драматург, дитя нашего времени. Своеобычно, смело и порой прямо-таки с абсурдной логикой была поставлена и эта пьеса для трех актеров. Зал хохотал до слез. К сожалению, смелая и бойкая шутка, каскад острот исчезают с театральных подмостков.

С самых древних вре-

в драматургии, вообще в литературе. Как много книг написано, а хорошие юмористические книги можно пересчитать по пальцам. Шутить труднее, чем страдать. Хорошие клоуны — явление куда более редкое, чем трагические актеры. Страдание требует души, шутка — души и ума. Так будем же беречь этих любимцев искусства!

Я не раз наблюдал, как беспомощно чувствуют себя наши актеры, когда мы переходим Рубикон в страну комедии. Рефлексы не оживают, фантазия не вспыхивает. То же самое с публикой — у нее тоже нет необходимой тренировки. Отсутствует, так сказать, культура шутки.

Стулки кого-нибудь по башке, скажи какую-нибудь двусмысленность — всем все понятно и смешно. Но у остроты много граней. Сатира и насмешка лишь одна из них. Есть острота, как удар хлыста, но есть и острота — освобождение, радость жизни.

Обратите внимание на диапазон народных шуток. Народ смеялся не только над музыкантами и пасторами, он смеялся над собой, над рождением, жизнью и смертью. Смех — признак силы, мерило жизнеспособности. Зубоскальство — преимущество слабых. Злорадство — враг жизнерадостности.

Это разные сапоги одной пары, на одну ногу их не обуешь. К чему стыдливый фиговый листок на последней странице газет: зарубежный юмор? А наш собственный юмор? Конечно же, он существует — древний, как сам человек. Она стоит рядом с плачущей маской — это смеющаяся маска. Осветим же ее прожектором, чтобы она не терялась в тени. Как говорят в народе: даже черт бесилен, если человек смеется.